

Часть III.

Паденіе Никона и крушеніе его идей въ Петровскомъ законодательствѣ. Отзывы о Никонѣ.

Глава I. Положеніе Патріарха въ Московскомъ государственномъ строѣ.

Положеніе Боярской Думы въ строѣ Московскаго Государства. — Соединенныя засѣданія Боярской Думы и Собора Духовенства. — Положеніе Патріарха въ Боярской Думѣ. Положеніе Патріарха въ безгосударное время. — Взглядъ іерархіи на свое участіе въ государственныхъ дѣлахъ. — Государственное значеніе Патріарха. — Ростъ царской власти влекъ за собой ростъ и Патріаршей Власти. — Титуль Патріарха Московскаго „всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи“. — Составъ различныхъ государственныхъ правъ Патріарха Никона; его права въ Государствѣ, какъ Патріарха, въ силу этого сана и права, какъ государственнаго регента. — Бытовое положеніе Патріарха. — Скромность Никона въ домашней обстановкѣ и пышность въ официальной. — Пріемъ Никономъ Патріарха Макарія. Обѣды Никона съ нищими въ описаніи Павла Алеппскаго. — Павелъ Алеппскій о строгости Никона къ духовенству. — С. М. Соловьевъ о нравахъ XVII вѣка и о существовавшихъ тогда наказаніяхъ. Соотвѣтствіе Никоновскихъ архипастырскихъ наказаній духу вѣка и обычаямъ. — Заботливость Никона въ отношеніи людей низшаго соціального положенія. — Враждебныя Никону теченія общественной мысли и его враги. Староцерковная партія, враждебная Никону въ церковно - обрядовыхъ формахъ.

Положеніе Боярской Думы въ строѣ Московскаго Государства.

Необходимо предварительно вникнуть въ общій строй Московскаго Государства. Прежде всего необходимо обратить вниманіе на учрежденіе, существовавшее издревле при царѣ, — Боярскую Думу, неотдѣлимую отъ царской власти. Права ея не были опредѣлены закономъ, а держались, какъ фактъ бытовой на обычномъ правѣ. Общая законодательная формула была: „Царь указалъ и бояре приговорили“. Законъ представлялся, какъ результатъ неразрывной дѣятельности царя и Боярской Думы. Въ сферѣ административной вмѣстѣ съ царемъ она назначала центральныхъ и мѣстныхъ правителей. Веденіе текущихъ дѣлъ находилось подъ постояннымъ контролемъ Думы. Самые приказы первоначально были нерѣдко (Разрядный, Помѣстный др.) лишь комиссіями Боярской Думы. Полученіе званія думнаго челоуѣка, т. е. засѣдающаго въ Боярской Думѣ, зависѣло отъ воли государя. Но государь въ этомъ случаѣ былъ связанъ обычаемъ и считался съ породою участвовавшаго: лица высшихъ, преимущественно княжескихъ фамилій, получали прямо званіе боярина, минуя низшіе чины, менѣ знатные начинали съ окольниковства; Василій III оставилъ преемнику 20 боярь, 1 казначея, 1 окольникьяго; Іоаннъ Грозный оставилъ сыну 10 боярь, 1 окольникьяго, 1 крайчого 1 казначея и 8 думныхъ дворянъ; Ѳеодоръ Іоановичъ оставилъ 8 окольникьихъ и 2 думныхъ дворянъ. Прочіе проходили по низшимъ ступенямъ чиновъ, рѣдко достигая боярства. Въ производствѣ лицъ въ думные дворяне и думные дѣяки воля государя ничѣмъ не стѣснена; въ думные дѣяки производились изъ дворянъ, гостей и подъячихъ (Вл. Будановъ. Обзоръ Исторіи Русскаго Права, 160 стр.). Думные дворяне и думные дѣяки появляются въ первой половинѣ

XVI вѣка, когда великій князь началъ вводить въ Думу простыхъ дворянъ; и эту мѣру усилилъ Грозный во время борьбы съ родовитымъ боярствомъ; съ 1572 г. думный дворянинъ — особый постоянный разрядъ думныхъ людей на ряду съ боярами и окольникими. Во время борьбы съ боярствомъ появляются въ Думѣ и думные дьяки, ведшіе такія дѣла, которыя Дума не могла вести *in corpore*. Они не считались членами Думы, но по своему вѣдомству имѣли право голоса въ засѣданіяхъ Думы. Общее число думныхъ людей обыкновенно разрасталось (неродовитая часть увеличилась при Грозномъ, но при Ѳеодорѣ Іоановичѣ опять уменьшилась въ числѣ. 16 родовъ прямо поступали въ бояре, а 15 въ окольникіи по праву рожденія. Къ первымъ принадлежали: Черкаскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы, Шереметевы, Одоевскіе, Пронскіе, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровскіе, Буйносовы, Ростовскіе, Хилковы, Урусовы (изъ нихъ только 4 нетитулованныя фамиліи: Морозовы, Шереметевы, Шеины и Салтыковы); изъ княжескихъ, кромѣ Черкасскихъ и Урусовыхъ, всѣ Гедеминовичи и Рюриковичи. Ко вторымъ относятся Куракины, Долгоруки, Ромодановскіе, Пожарскіе, Волконскіе, Лобановы-Ростовскіе, Барятинскіе, Львовы — все Рюриковичи, кромѣ Куракиныхъ Гедеминовичей, и семь боярскихъ фамилій: Бутурлины, Стрешневы, Милославскіе, Сукины, Пушкины, Чумаковы и Плещеевы. Думныхъ людей при Годуновѣ было 30, въ Смутное время 47, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ 19, при Алексѣѣ Михайловичѣ — 59, при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ 167. Въ постоянныхъ засѣданіяхъ Думы участвовали всѣ ея члены, которые были въ Москвѣ. Возможно полныя засѣданія Думы происходили въ особо важныхъ случаяхъ, въ частности при созывѣ Земскихъ Соборовъ, непремѣнную часть коихъ составляла Дума.

Земскій Соборъ не есть элементъ власти противоположной власти Царской и Боярской Думы; онъ есть органъ власти общеземской, включавшей въ себя Царя и Думу: эти три части Собора существенныя и органическія. Безъ нихъ нѣтъ и Земскаго Собора. Даже когда нѣтъ царя, то власть царя предоставляется лицамъ, замѣняющимъ государя (Патріархомъ или Думой въ качествѣ временнаго правительства). Съ 1653 г. до смерти своей царь Алексѣй не созывалъ земскихъ соборовъ, ибо Уложеніе разрѣшило законодательные вопросы, а съ 1654 г. — рядъ войнъ. Иногда къ Думѣ присоединялся соборъ духовенства. Обычай этотъ, говоритъ Ключевскій въ сочиненіи „Боярская Дума" (XXV гл.), вышелъ изъ одного источника съ древне русскими

смѣстными судами: въ дѣлахъ, подсудныхъ двумъ разнымъ юрисдикціямъ; на судѣ присутствовали представители обѣихъ.

Соединенныя засѣданія Боярской Думы и Собора Духовенства.

Взаимная связь обоихъ правительствъ создала обычай со временъ Св. Владиміра приглашать на совѣтъ высшихъ церковныхъ іерарховъ, и объ этомъ политическомъ значеніи іерархіи Московскіе послы говорили полякамъ въ 1610 г. „Изначала у насъ въ Русскомъ царствѣ такъ велось, если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, митрополитовъ и архіереевъ и съ ними о всякихъ дѣлахъ совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали.“

Церковь вѣдала у насъ до Петра всѣ дѣла вѣры и семейнаго порядка, такъ что присутствіе представителей Церкви считалось необходимымъ въ Думѣ и при обсужденіи вопросовъ о женитьбѣ царя въ виду опасности для чистоты вѣры подъ вліяніемъ иноземцевъ. Оно требовалось вообще всегда, когда хоть сколько нибудь затрагивались интересы Церкви; напримѣръ, вопросъ о томъ, отдавать ли на откупъ продажу питей, затрагивалъ крестоцѣлованіе, клятву и потому требовалъ участія представителей Церкви. Дума устанавливала и казенныя мѣры вѣсовъ по совѣту съ патріархомъ, ибо надзору церковной власти изстари были поручены торговыя мѣры и вѣсы. Патріархъ или одинъ, или съ властями участвовалъ въ Думѣ и тогда, когда затрагивалось положеніе церковныхъ и монастырскихъ владѣній, землевладѣльческихъ льготъ, крестьянскихъ побѣговъ. Однако, не только въ тѣхъ случаяхъ, когда разсматривались вопросы, затрагивающіе религіозно-нравственную сторону, или матеріальные интересы Церкви, призывались ея представители въ Думу. Взаимнопрониканіе Церкви и государства до XVIII вѣка было настолько велико, что какъ съ одной стороны царь съ высшими чинами государства участвовалъ въ церковныхъ соборахъ, разсматривавшихъ дѣла внутренняго церковнаго управленія (напримѣръ на Стоглавомъ Соборѣ), такъ съ другой стороны и представители Церкви участвовали въ Думѣ въ дѣлахъ чисто государственнаго характера, напримѣръ, въ вопросѣ о войнѣ, о мѣстничествѣ, въ изданіи Судебника, Уложенія. Черезъ это духовенство получало большой политической вѣсъ, но часто уклонялось само отъ рѣшенія въ тѣхъ случаяхъ, когда не видѣло связи вопроса съ нравственными или религіозными идеями и тогда заявляло, что это дѣло государя и его синклита, а его дѣло

молиться. Освященный Соборъ являлся въ Думу на совѣщанія о государственныхъ вопросахъ не въ одинаковомъ составѣ. Иногда патріархъ являлся, окруженный одними архіереями, иногда къ нему присоединялись выборныя власти: архимандриты, игумены, но неизвѣстно, какъ они выбирались. Нѣкоторые изъ нихъ принимали участіе въ силу своего положенія, напримѣръ архимандриты исторически извѣстныхъ монастырей. Патріархъ Никонъ, мы видѣли, въ январѣ 1665 г. хлопоталъ о такомъ же положеніи для архимандрита Воскресенскаго монастыря.

Положеніе Патріарха въ Боярской Думѣ. Положеніе Патріарха въ безгосударное время.

Высшія духовныя лица считались дѣйствительными членами Думы, имѣли въ ней мѣсто по сану, хотя не всегда присутствовали на засѣданіяхъ. Патріархъ же въ этомъ строѣ занималъ особое положеніе, унаслѣдованное изстари. Онъ сидѣлъ рядомъ съ царемъ по правую руку. Онъ предсѣдательствовалъ въ Думѣ по праву перваго сановника государства въ отсутствіе царя. Онъ же созывалъ и избирательный земскій соборъ въ безгосударное время, какъ дѣлалъ патріархъ Іовъ послѣ смерти Ѳеодора Іоанновича и патріархъ Іоакимъ послѣ смерти Ѳеодора Алексѣевича. Первосвятитель становился опекуномъ малолѣтнихъ дѣтей государя послѣ смерти (великаго Князя Василія III). Когда царь въ 1547-1548 гг. уходилъ въ Казанскій походъ, онъ оставилъ въ Москвѣ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича и 6 бояръ и окольничихъ; они во всѣхъ дѣлахъ должны были испрашивать санкціи митрополита Макарія. Поэтому не было ничего необычнаго и въ томъ, что, когда Царь Алексѣй Михайловичъ ушелъ въ походъ въ 1654 г., онъ, оставивъ князя Пронскаго съ 5 товарищами, подчинилъ ихъ высшему правительству изъ царицы, малолѣтняго царевича и патріарха Никона. Патріархъ Никонъ издавалъ указы именемъ царевича и получалъ доклады отъ бояръ. Патріархъ, послѣ разсмотрѣнія дѣла боярами, его разсматривалъ вновь и давалъ рѣшеніе или утверждавшее или измѣнявшее боярскій приговоръ. Въ данномъ случаѣ патріархъ выступалъ въ качествѣ временнаго верховнаго правителя государственнаго регента, какъ во время междуцарствія онъ, въ качествѣ начальнаго чловѣка, возглавлялъ и Думу и Освященный Соборъ. Уложеніе одинаково карало за оскорбленіе Царя и Патріарха, ничего даже не говоритъ о судѣ надъ патріархомъ, какъ бы не думая о возможности суда надъ нимъ. Обезсиливая Патріарха матеріально конфискаціей

части его имущества и ограничивая права духовенства вообще и понижая его влияние в обществе.

Взгляд иерархии на свое участие в государственных делах.

Уложение еще не затрагивало личного положения патриарха и не исключало возможности привилегий для него в виде особых жалованных грамот. На самое участие в государственных делах иерархия наша смотрела всегда как на помощь государству ради „страха Божия“, и никогда не было стремления преобладания над Царем в государственных делах, и ниоткуда не видно, чтобы и Никон нарушал эту традицию.

Свои государственные прерогативы наши патриархи всегда рассматривали не как присущия им права, а как нечто пожалованное царем; также, Никон на всѣхъ 614 стр. своего „Раззоренія“ ни разу не выражает своего сожаления ни воспоминания о правах патриарха в государстве, останавливаясь исключительно только на том, что он считал или принадлежащим Церкви по ее существу, или в силу многовековой давности.

Государственное значение Патриарха.

Особенно усилилось государственное значение патриарха в смутное время. Он — центр не только религиозного, но и национального самосознания; всѣ искатели престола стремятся заручиться его благословением. „Меня Патриархъ Іовъ благословилъ на царство“, ложно писалъ Лжедмитрій въ Москву. Василій Шуйскій въ Гермогенъ ищетъ поддержки колеблющагося престола. При переговорахъ съ королевичемъ польскимъ Владиславомъ грамотамъ безъ печати патриарха никто не вѣритъ. Он — центръ движенія, созывающаго ополченіе на защиту вѣры и отечества со всѣхъ частей распадающагося государства. Народъ видитъ въ немъ охранителя и религиозныхъ и национальныхъ интересовъ, который становится во главѣ государства, за отсутствиемъ Царя, какъ Богомъ поставленный пастырь, начальный человекъ и высшій судья. Въ 1618 году не могутъ рѣшить вопроса о положеніи православныхъ въ отошедшихъ къ Швеціи земляхъ, ибо не было Патриарха, а дѣтямъ его духовнымъ, митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ, кромѣ его святейшаго повелѣнія, совершеннаго отвѣта на то учинить невозможно, понеже онъ есть всѣмъ пастырь и глава“. И Филарета зовутъ на патриаршій престолъ, желая видѣть въ немъ „царствію помогателя. И первый Царь утверждаетъ это народное сознаніе, когда постановляетъ, что

„каковъ онъ государь, таковъ и отецъ его государь, ихъ государское величество нераздѣльно". Представленіе о священной двоицѣ — не только мысль Эпанагоги, но и выношенное въ смутѣ представленіе о томъ, что Патріархъ первый помощникъ Царя въ возстановленіи царства и идеаловъ правды и святости, которыя олицетворяются Патріархомъ и стоятъ, какъ руководящія вѣхи передъ царствомъ.

Государственное значеніе патріарховъ опредѣлялось не личными ихъ качествами, а идеями, вложенными въ самое учрежденіе, поэтому и малыя способности патріарховъ Іоасафа и Іосифа, бывшихъ между Филаретомъ и Никономъ, не измѣнили государственнаго значенія ихъ, хотя и понижали общественное значеніе Церкви.

Ростъ царской власти влекъ за собой ростъ и патріаршей власти.

Какъ правило, надо считать, что ростъ Царской власти отражался и на ростѣ Патріаршей. Такъ было изначала съ учрежденія Московскаго патріаршества, которое отражало не только внутренній ростъ русской Церкви, но и ростъ власти Царской при Грозномъ. Государство русское прежде окрѣпло въ своей самостоятельности, чѣмъ русская Церковь, только въ половинѣ XV в. начавшая свое самостоятельное существованіе, а сила государства увеличивала естественно и силу церковную, ибо идеи Церкви и Государства хотя и разными путями, въ принципѣ призваны были вести къ одной конечной цѣли. Эта связанность отражалась и въ самыхъ титулахъ Царя и Патріарха, которые и пространственно соотвѣтствовали другъ другу. Павелъ Апеппскій, какъ свидѣтель, передаетъ, что 6 января 1656 г. (II, 281) во время молебна пѣли многолѣтія за самодержца Великой, Малой и Бѣлой Россіи: Вильно была взято, и въ отвѣтъ Царь велѣлъ титуловать Патріарха такимъ-же титуломъ.

Титулы Патріарха Московскаго „всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи".

Хотя бояре и Лигаридъ обвиняютъ Никона въ узурпированіи этихъ титуловъ, но Патріархомъ Великой и Малой Россіи титуловалъ Никона еще въ 1654 г. самъ Константинопольскій патріархъ Паисій въ соборной грамотѣ въ отвѣтъ на Никоновскіе вопросы объ обрядахъ (грамота эта у Пальмера, II т., 408 стр.), хотя самъ Никонъ еще въ декабрѣ 1655 г. на соборныхъ актахъ подписывался только „архіепископъ царствующаго града Москвы и Патріархъ всея Россіи" (II, 415). Но Царь титуловалъ Никона еще въ 1654 г. въ публичныхъ актахъ Патріархомъ Московскимъ и Великой и Малой Россіи". (II, 518), отдавъ еще въ 1653 г. приказъ титуловать его патріархомъ

Великой и Малой Россіи (II, 547), Титуль же „Бѣлой“, первоначально былъ указанъ для употребленія самимъ Царемъ для себя въ грамотѣ, гдѣ и Никонъ титуловался, соотвѣтственно Царю. Пальмеръ приводитъ грамоту отъ 1655 г. (II, 463), гдѣ царь сообщаетъ о завоеваніи у Польши Бѣлоруссіи, Литвы, Волыни и Подоліи и приказываетъ внести въ Царскій титуль: „Великій Князь Литовскій и Бѣлорусскій, Волыни и Подоліи“. Въ этой грамотѣ есть фраза: „Молитвами Отца нашего и богомольца Великаго Государя Святѣйшаго Никона Патріарха Московскаго и всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи... мы взяли у Польши городъ Вильну, столицу великаго княжества Литовскаго, нѣкогда принадлежавшаго нашимъ предкамъ... равно мы взяли и Бѣлую Русь... и милостью Божіею мы сдѣлались Великимъ Государемъ надъ великимъ княжествомъ Литовскимъ нашихъ предковъ и надъ Бѣлой Русью и надъ Волынью и Подоліей“. По Виленскому перемирію 24 октября 1655 года Бѣлая Русь и Малая Русь соединились съ Московскимъ царствомъ, а царь Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ вступить на Польскій тронъ послѣ смерти короля Казимира (IV, 102). Итакъ Царь, воспринимая самъ титуль, одновременно его даетъ и Патріарху (II, 463), самъ же Никонъ не употребляетъ этого титула въ церковныхъ молитвахъ (II, 552). Изъ этого видно, какъ неправильно Лигаридъ и бояре въ одиннадцатомъ вопросѣ патріархамъ обвиняли Никона косвенно въ самовольномъ присвоеніи титула Великой, Малой и Бѣлой Россіи (III, 333). Кстати сказать, въ отношеніи обвиненій Никона въ честолюбіи и властолюбіи, неправильно и обвиненіе его въ захватѣ Кіевской каѳедры, такъ какъ еще въ 1657 г. царь почиталъ себя обиженнымъ за отказъ Никона (II, 518) посвятить туда епископа въ виду принадлежности Кіева Константинопольскому патріархату, какъ и самъ Никонъ писалъ объ этомъ (I, 158-160).

Составъ различныхъ государственныхъ правъ патріарха Никона; его права въ государствѣ, какъ патріарха въ силу этого сана и права, какъ государственнаго регента.

То же и съ титуломъ великаго государя. Онъ не давалъ Никону никакихъ реальныхъ правъ и былъ способомъ отличія заслугъ Никона, по сохраненію царской семьи отъ чумы, со стороны царя, который далъ его въ октябрѣ 1654 г., когда Никонъ доставилъ въ Вязьму царю невредимымъ его семейство (IV, 99). Патріархъ, какъ государственный сановникъ, получалъ высшій титуль, не связанный ни съ какими особыми правами; особыя права имѣлъ Никонъ не по титулу

великаго государя, а по положенію государственнаго регента на время отсутствія царя, кромѣ тѣхъ правъ, которыя онъ имѣлъ въ государствѣ по положенію всякаго патріарха, т. е. право участія въ Боярской Думѣ, право печалованія передъ царемъ за опальныхъ и несправедливо обиженныхъ. Положеніе государственнаго регента было временное и обусловлено отсутствіемъ Царя. Именно, въ качествѣ государственнаго регента, Никонъ принималъ бояръ ежедневно съ докладами и, по разсказамъ Павла Алеппскаго, заставлялъ ихъ по долгу ожидать своего приема и прежде доклада выслушивать молитву и кланяться ему въ ноги, чѣмъ весьма затрагивалось боярское самолюбіе. Это послужило одной изъ причинъ ненависти и зависти бояръ къ Никону.

По описанію Павла Алеппскаго этотъ приемъ происходилъ у Никона такъ: бояре сидѣли въ ожиданіи, пока патріархъ не позоветъ ихъ войти (патріархъ Макарій былъ на приемѣ.) При входѣ ихъ Никонъ оборачивался къ иконамъ, читая про себя „Достойно есть“, причемъ всѣ они дѣлали земной поклонъ и оставались съ непокрытой головой до самаго ухода. Каждый изъ нихъ, приблизившись, кланялся ему до земли, подходилъ подъ благословеніе и въ заключеніе вторично дѣлалъ земной поклонъ. Патріархъ разговаривалъ съ ними стоя, при чемъ они докладывали ему всѣ текущія дѣла, на кои онъ давалъ отвѣтъ, приказывалъ, что должно дѣлать (Ч.И.О.И. и Д. Р. 1898, 3; 159 стр.) „По окончаніи приема, патріархъ оборачивался къ иконамъ, пѣлъ „Достойно есть“, благословлялъ бояръ и отпускалъ ихъ, затѣмъ шелъ впереди нихъ въ церковь, ибо онъ обыкновенно никогда не пропускалъ службы въ церкви, 3 раза, днемъ и ночью, присутствуя за обѣдней и вечерней, и въ большую часть дней совершалъ литургію“.

„Предшественники Никона никогда не занимались государственными дѣлами, но онъ, благодаря своему проницательному острому уму и знаніямъ, искусень во всѣхъ отрасляхъ дѣлъ духовныхъ, государственныхъ и мірскихъ, такъ какъ онъ былъ женатъ и на опытѣ ознакомился съ мірскими дѣлами.“

Съ возвращеніемъ въ Москву царя, Никонъ переставалъ быть регентомъ еще въ концѣ 1656 г., и, когда царь велѣлъ въ іюлѣ 1658 г. прекратить ему называться великимъ государемъ, онъ его не лишалъ какихъ-либо реальныхъ правъ, а только пышнаго титула, который Никонъ называлъ „горделивымъ и проклятымъ названіемъ“, и лишеніе это только образно выражало царскій гнѣвъ.

Бытовое положеніе патріарха.

Въ соотвѣтствіи съ положеніемъ патріарха въ строѣ правовомъ, стояло и его общественное положеніе въ быту. По этому быту можно опредѣлить положеніе человѣка XVII вѣка, ибо въ то время домашнія бытовыя формы строго опредѣлялись соціальнымъ положеніемъ, а не имущественнымъ достаткомъ; форма быта приближалась къ царскимъ по мѣрѣ приближенія чина къ царю, и формы быта Патріарховъ совершенно походили на царскія, представляли ихъ точное подобіе въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что патріархъ былъ первое лицо въ государствѣ послѣ царя; онѣ только индивидуализировались въ зависимости отъ того, что онѣ принадлежали предстоятелямъ Церкви, а не представителямъ государства. Когда иностранные послы принимались Царемъ безъ Патріарха, то они представлялись Патріарху отдѣльно въ такой же церемоніи: также собирались въ патріаршія палаты патріаршіе бояре, думные дьяки, дворецкіе, приказные люди и дѣти боярскіе на патріаршемъ дворѣ въ цвѣтныхъ платьяхъ, а на площади были стрѣльцы, но въ отличіе отъ царскаго приѣма безъ пищалей (Писаревъ, Пр. Соб. 1904).

Оффиціальныи домашній бытъ Патріарховъ выражался въ очень пышныхъ формахъ. Для этой пышности были причины, ибо Патріархъ былъ выразителемъ религіозно-національнаго сознанія народа не только передъ лицомъ своихъ русскихъ, но и предъ лицомъ пріѣзжихъ православныхъ, **а способы выраженія этого сознанія, естествен но, должны были соотвѣтствовать понятіямъ своего времени.**

Скромность Никона въ домашней обстановкѣ и пышность въ общественной.

Въ то время преимущественно обращали вниманіе на внѣшнія формы жизни, и по нимъ судили о внутреннемъ достоинствѣ, а Патріархъ Московскій призванъ былъ выразить идею 3-го Рима и явить образъ предстоятеля высшаго въ Церкви сана — патріаршаго. Особенно красочно и ярко въ своей дѣятельности и личности выявлялъ эту идею Никонъ. Въ личной жизни Никонъ былъ не требователенъ и скромненъ въ требованіяхъ, какъ это описано у его иподіакона Шушерина, неизмѣнно состоявшаго при немъ, начиная со времени митрополитства Никона въ Новгородѣ до 30 ноября 1666 г., когда онъ, сопровождавшій патріарха Никона на судъ, былъ арестованъ властями у Никольскихъ воротъ.

Шушеринъ (СПБ., 1817) о жизни въ Воскресенскомъ монастырѣ, когда Никонъ не былъ связанъ официальными выступлениями, — пишетъ (стр. 88): „Пища же его бѣше всеневная: капуста варена съ хлѣбомъ сушенымъ, мѣлко раздробленнымъ, и отъ огородныхъ зелей огурцы, и юха малыхъ рыбицъ и то токмо въ разрѣшенные дни, въ среды же и въ пятницы и въ понедѣльники никакого же вкушенія рыбы во все лѣто, развѣ въ Господніе Праздники и въ Богородицины. Одежды же его бѣше отъ кожъ овчихъ, и ряса отъ власъ агньчихъ пепеловиднаго сукна ношаше, мантия же всегда чернаго сукна мантийнаго, точію съ источниками... По вся же посты, въ пустыню свою отхождаше, юже устрои и въ ней двѣ церкви Богоявленія Господня и отъ святыхъ праведныхъ Апостоловъ Петра и Павла, въ ней же устроено келей, восходы же нань вельми тѣсныя, тамо же едина верхняя келія мало во всемъ сажень, въ ней же пребываше и жестокое житіе препровождаше вящія молитвы и поклоны и постъ творяше, сна же мало всегда пріимаше, яко въ нощенствіе токмо 3 часа."

Но когда Никону приходилось выступать на людяхъ официально, какъ Патріарху, онъ поражалъ блескомъ своихъ одеждъ, пышностью своихъ пріемовъ и обѣдовъ и торжественностью церемоній. И въ этомъ своемъ свойствѣ Никонъ иллюстрировалъ только, что для русскаго человѣка вѣроисповѣданіе, какъ бытовое начало, проникаетъ собой подобно воздуху, по словамъ И. С. Аксакова (V, 145), всю жизнь народа, опредѣляетъ характеръ всѣхъ отпавленій его жизни, какъ духовной, такъ и матеріальной, какъ общественной, такъ и государственной. Вѣра для русскаго человѣка есть не только субъективное личное чувство, но начало общественное, бытовое, управляющее жизнью. Формы быта настолько сливались съ саномъ, что нельзя было помыслить представителя сана безъ принадлежащихъ этому сану бытовыхъ особенностей. Вполнѣ естественно, что, когда Никонъ находился въ Воскресенскомъ монастырѣ, и не видѣлъ отношенія къ нему со стороны царя, соотвѣтствующаго его сану въ мелочахъ повседневной жизни, то онъ горевалъ объ этомъ не потому, что, какъ говоритъ Каптеревъ, „онъ чувствовалъ себя устраненнымъ царедворцемъ, любящимъ блага жизни" (Каптеревъ 1, 411), а потому, что въ отсутствіи соотвѣтствующихъ блюдъ въ именинные царскіе дни онъ видѣлъ неуваженіе и непризнаніе его какъ Патріарха, тогда какъ самъ Никонъ почиталъ себя Патріархомъ.

Никонъ писалъ въ іюлѣ 1659 года: „Еже нынѣ іюля въ 25 день торжественія рожденія благородныя царевны и великія княжны Анны Михайловны вси возвеселившись о добромъ томъ рождествѣ насладившись. Единъ азъ, яко песь, лишень богатыя ваша трапезы; но и пси по реченному напоятся отъ крупиць, падающихъ отъ трапезы господей своихъ. Аще не бы яко врагъ вмѣненъ, не бы лишень малаго уломка хлѣба богатыя ваша трапезы". Каптеревъ называетъ это „томленіемъ при воспоминаніяхъ о роскошныхъ царскихъ трапезахъ" (Каптеревъ, Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, 1, 401), но здѣсь не то, полагаемъ мы, а горькая обида на несоотвѣтствіе своего дѣйствительнаго положенія съ своимъ саномъ, который, при господствовавшихъ обычаяхъ того времени, дѣлалъ Патріарха участникомъ всѣхъ царскихъ именинныхъ торжествъ, какъ символъ чести и бытовое признаніе нераздѣльности Царя и Патріарха.

Также въ этомъ стремленіи „стоять высоко, ѣздить широко" нельзя видѣть проявленія какой-то гордости, какъ то дѣлали расколотчики и ихъ современные ученые послѣдователи; въ этомъ было лишь бытовое выраженіе идей, которыя Никонъ связывалъ съ саномъ. Онъ считалъ себя обязаннымъ реально и наглядно воспитывать это понятіе и въ русскихъ, и въ православныхъ иностранцахъ, пріѣзжавшихъ съ Востока. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Никонъ строитъ рядомъ съ царскимъ въ Кремлѣ патріаршій дворець, который освящаетъ въ декабрѣ 1655 года. Въ соотвѣтствіи съ этимъ его облаченія поражаютъ великолѣпіемъ, его митра своими драгоценными украшеніями. Его службы необыкновенно торжественны, всегда въ сослуженіи многочисленнаго духовенства, и по строгости выполненія всѣхъ уставныхъ требованій поражаютъ своей продолжительностью и пунктуальностью даже духовныхъ православныхъ иностранцевъ, ихъ свидѣтелей, въ рассказѣ Павла Алеппскаго сопровождавшаго въ 1654 г. своего отца Патріарха Макарія.

Павелъ Алеппскій описываетъ одну изъ многочисленныхъ величественныхъ службъ (Ч. О. И. и Х. 1898, 3; 138, стр.), продолжавшуюся 7 часовъ; онъ пишетъ: „Мало было Патріарху продолжительной службы и длиннаго синаксарія: онъ еще прибавилъ въ концѣ проповѣдь и много поученій. Богъ да дастъ ему чувство мѣры. Онъ не пожалѣлъ Царя, ни даже царскихъ дѣтей. Я хотѣлъ бы знать, что бы у насъ сказали и стали-ли бы такъ терпѣть...

Но нѣтъ сомнѣнія, что Творецъ даровалъ русскимъ царство, котораго они достойны, и которое приличествуетъ за то, что всѣ ихъ заботы духовныя, а не тѣлесныя. Таковы всѣ они. Царь и Патріархъ прислали намъ кушать, но только что мы сѣли за столъ, полумертвые отъ усталости, и пораженные изумленіемъ, какъ ударили къ вечернѣ". И такіе случаи неоднократно попадаютъ въ дневникъ Павла Алеппскаго.

Пышные обычаи Патріарха введены не Никономъ; не Никонъ ввелъ и обрядъ угощенія Патріарха Царемъ посредствомъ почтительнаго поднесенія съ сыновнимъ привѣтствіемъ ему чаши съ виномъ за обѣдомъ; этотъ обычай былъ еще при Митрополитахъ; здѣсь дѣло не въ гордости Никона, а въ установленномъ чинѣ жизни, выявлявшемъ общенародное почитаніе предстоятеля Церкви, который Никонъ только тщательно соблюдалъ и болѣе красочно выражалъ.

Пріемъ Никономъ Патріарха Макарія. Обѣды Никона съ нищими въ описаніи Павла Алеппскаго.

Вотъ, описаніе Павломъ Алеппскимъ пріема Никономъ Патріарха Макарія (Чт. О. И. и др. Росс. 1898, 3; 22, 23 стр.): „Когда нашъ Владыка Патріархъ приблизился къ первой лѣстницѣ патріаршихъ палатъ, его встрѣтили два главныхъ архимандрита, поклонились ему до земли и сказали, читая по имѣвшейся у нихъ бумагѣ; Отецъ Святой Блаженнѣйшій и Владыка киръ Макарій, Патріархъ великаго града Божія Антіохіи и странъ Киликіи, Иверіи, Сиріи, Аравіи и всего Востока, братъ твой и соучастникъ въ божественныхъ таинствахъ, Господинъ киръ Никонъ, Архіепископъ града Москвы и Патріархъ всѣхъ странъ Великой и Малой Россіи, послалъ насъ, архимандритовъ монастыря такого то въ такой то области, встрѣтить твою святость по Слову Господа нашего Іисуса Христа въ Его Святомъ Евангеліи: кто принимаетъ васъ, принимаетъ Меня". И они опять поклонились ему до земли. Читали они по гречески, а драгоманъ переводилъ по русски. Нашъ Владыка Патріархъ выразилъ подобающія благожеланія и благословилъ ихъ. Они взяли его подъ руки вмѣсто бояръ и повели наверхъ. Когда онъ дошелъ до вторыхъ лѣстницъ, его встрѣтили два другіе архимандрита, которые, сказавъ и сдѣлавъ то же, взяли его подъ руки. При входѣ нашемъ во внѣшнюю часть палатъ, гдѣ находится 3-я лѣстница, вышелъ Патріархъ Никонъ, одѣтый въ мантию изъ зеленаго рытаго, узорчатаго бархата, со скрижалями изъ краснаго бархата, на которыхъ въ серединѣ изображеніе херувимовъ изъ золота и жемчуга, и съ источниками изъ

бѣлаго галуна съ красной полоской въ серединѣ. На головѣ его былъ бѣлый клобукъ съ крестомъ изъ жемчуга и драгоценныхъ камней. Надъ его глазами было изображеніе херувима съ жемчугомъ; воскрылія клобука спускались внизъ и также были украшены золотомъ и драгоценными камнями. Въ правой рукѣ онъ держалъ посохъ. Онъ встрѣтилъ нашего учителя съ великимъ почетомъ, сказавъ: „Отецъ Святой Блаженнѣйшій, киръ Макарій, Патріархъ великаго града Божія Антіохіи и странъ Киликіи, Иверіи, Сиріи, и Аравіи и всего Востока. Твоя святость уподобляется Господу Христу, а я подобенъ Закхею, который, будучи малъ ростомъ и домогался увидѣть Христа, взлѣзъ на сикамору, чтобы видѣть Его; такъ и я грѣшный вышелъ теперь, чтобы лицезрѣть твою святость". Драгоманъ перевелъ его слова на греческій. За тѣмъ онъ облобызался съ нашимъ Владыкой и повелъ его внутрь своихъ палатъ, весь полъ которыхъ былъ устланъ большими коврами. Оба они подошли по обычаю къ иконостасу, который всегда ставится надъ головой Патріарха. Свѣчи горѣли. Они пропѣли „Достойно есть" и сдѣлали земной поклонъ и поклонились другъ другу. Затѣмъ Патріархъ Никонъ снялъ свой клобукъ и просилъ нашего Владыку Патріарха благословить его. Съ трудомъ, послѣ многихъ отказовъ, онъ благословилъ его на чело, грудь и плечи по ихъ обычаю, и они сѣли бесѣдовать черезъ драгомана. Потомъ онъ всталъ и пошелъ во внутренніе покои, гдѣ снялъ свою зеленую мантию и надѣлъ другую, всегдашнюю изъ рытаго узорчатаго бархата фіолетоваго цвѣта и бѣлый также всегдашній клобукъ съ однимъ, вышитымъ изъ золота херувимомъ на челѣ, снялъ зеленное бархатное одѣяніе, и надѣлъ красное бархатное по ихъ обычаю и вышелъ. Въ это время подходили всѣ бывшіе у него настоятели монастырей, протопопы, священники и діаконы и кланялись нашему Владыкѣ, а онъ ихъ благословлялъ". Во всей этой церемоніи мы наблюдаемъ, кромѣ внѣшней пышности Никона, и строго каноническое признаніе высшаго мѣста Антіохійскаго Патріарха при всей его бѣдности и захудалости каѳедры въ принятіи первымъ благословенія отъ него и въ самомъ обращеніи словесномъ, гдѣ Никонъ ставитъ себя на мѣсто Закхея передъ Христомъ. Образецъ этого смиренія Никонъ давалъ и въ другомъ видѣ. Павелъ Алеппскій рассказываетъ (179 стр.) о богатой трапезѣ у Патріарха въ Вербное Воскресеніе послѣ хожденія на осляти: Въ столовую привели нищихъ, слѣпыхъ, увѣчныхъ, безногихъ и поставили для нихъ столъ близъ Патріарха; онъ поздравлялъ каждого изъ нихъ, кормилъ и поилъ съ полнымъ

уваженіемъ. При видѣ всего этого мы почувствовали тошноту. Наконецъ Патріархъ поднялся, ему поднесли тазъ и кувшинъ, и онъ обошелъ нищихъ, умывая, вытирая и лобызая ихъ ноги, всѣхъ по порядку, при чемъ раздавалъ имъ милостыню до послѣдняго. Мы удивились чрезвычайно, глядя на это, и были тронуты до слезъ". Характерно, что этотъ обѣдъ былъ безъ Царя, ибо онъ былъ въ походѣ, но Никонъ только тогда сѣлъ за столъ, когда послалъ яства и напитки всему царскому семейству.

Павель Алеппскій о строгости Никона къ духовенству.

Еще объ одной чертѣ Никона упоминаетъ Павель Алеппскій — это о строгости къ духовенству. О дисциплинѣ Никона и строгости сообщаетъ Павель Алеппскій въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего сочиненія „Путешествіе Патріарха Макарія"; На 47 стр. (1898, 3 Чт. О. И. и Др. Росс.) онъ пишетъ: „Сдѣлавшись Патріархомъ, онъ немедленно сослалъ въ заточеніе въ Сибирь трехъ протопоповъ съ женами и дѣтьми, изъ коихъ 1 былъ царскимъ протопопомъ. Послѣдній занималъ такое положеніе, что могъ наказывать, заключать въ тюрьму и налагать оковы на священниковъ безъ дозволенія прежнихъ Патріарховъ. Когда это произошло, водворился миръ. И всѣ стали бояться Никона. Онъ до сихъ поръ великій тиранъ по отношенію къ архіереямъ, архимандритамъ и всему священническому чину, даже къ государственнымъ сановникамъ... Прослышавъ о чьемъ-нибудь проступкѣ, даже объ опьяненіи, онъ немедленно того заточаетъ, ибо его стрѣльцы постоянно рыщутъ по городу, и лишь только увидятъ священника или монаха пьянымъ, сажаютъ его въ тюрьму, подвергая всяческому униженію. Оттого намъ приходилось видѣть тюрьмы переполненными такими людьми, кои находятся въ самомъ скверномъ положеніи, будучи окованы тяжелыми цѣпями по шеѣ и съ большими колодками на ногахъ. Бояре прежде входили къ Патріарху безъ доклада привратника; онъ выходилъ имъ навстрѣчу, а при уходѣ шелъ ихъ провожать. Теперъ же, какъ мы видѣли собственными глазами, министры Царя и его приближенные сидятъ долгое время у наружныхъ дверей, пока Никонъ не дозволитъ имъ войти; они входятъ съ чрезвычайной робостью и страхомъ, при чемъ до окончанія дѣла стоятъ на ногахъ, а, когда затѣмъ уходятъ, Никонъ продолжаетъ сидѣть". Павель Алеппскій забываетъ, что Никонъ принималъ бояръ въ качествѣ государственнаго регента, представляя лицо Царя, а потому и пріемъ его былъ иной. Что касается тюремъ, то

самъ Павелъ Алеппскій сообщаетъ (160 стр.), что такія тюрьмы были у всѣхъ архіереевъ, и слѣдовательно ничего особеннаго это для Никона не представляетъ. „Во всякомъ мѣстѣ пребыванія архіерея есть тюрьма, снабженная тяжелыми желѣзными оковами и большими деревянными колодками. Если кто изъ настоятелей монастырей, или важныхъ сановниковъ совершить проступокъ, то, будучи заключень въ оковы, долженъ просѣивать муку, ночью и днемъ при пекарнѣ, пока не отбудутъ наказанія: намъ случалось ихъ видѣть въ такомъ положеніи.“

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 162) Павелъ Алеппскій пишетъ: „Отъ того Богъ отступился и тотъ навлекъ на себя Его гнѣвъ, кто совершилъ проступокъ и провинился передъ Патріархомъ: пьянствовалъ или былъ лѣнивъ въ молитвѣ, ибо такового Патріархъ немедленно посылаетъ въ заточеніе. Въ прежніе время Сибирскіе монастыри были пусты, но Никонъ въ свое управленіе переполнилъ ихъ злополучными настоятелями монастырей, священниками и монахами. Если священникъ провинился, Патріархъ тотчасъ снимаетъ съ него колпакъ: это значитъ, что онъ лишень священническаго сана... Такой строгостью онъ всѣхъ устрасилъ, и его слово стало рѣшающимъ. Но въ послѣднее время онъ дошелъ до того, что отставилъ отъ должности келаря монастыря Св. Троицы и заточилъ его въ одинъ монастырь, гдѣ сдѣлалъ его мельникомъ, а раньше, когда онъ пріѣзжалъ изъ монастыря или отправлялся куда-нибудь, то его сопровождало много архіереевъ, служителей и ратниковъ, чего нѣтъ и у Патріарха.“

Едва ли можно удивляться этой строгости Никона при распушенности нравовъ послѣ смутной эпохи съ одной стороны и при стремленіи Никона повысить общественное значеніе Церкви. Однако, его строгость не была понята современниками и вызывала на него множество нареканій, особенно со стороны расколоучителей. Мы упоминали уже объ упрекѣ Никону со стороны одного изъ нихъ — протопопа Ивана Неронова. Однако, не слѣдуетъ преувеличивать этого. Ибо нельзя забыть, что пастырскія мѣры воздѣйствія, о которыхъ упоминаетъ Павелъ Алеппскій, соответствовали характеру общихъ наказаній того времени. Не забудемъ, что въ то время сами бояре подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ. Въ XIV т. 77 стр. Исторіи Россіи самъ С. М. Соловьевъ даетъ картину современныхъ нравовъ и наказаній, относящихся ко времени непосредственно слѣдующему за Никономъ.

С. М. Соловьевъ о нравахъ XVII вѣка и о существовавшихъ тогда наказаніяхъ. Соотвѣтствіе Никоновскихъ архипастырскихъ наказаній духу вѣка и обычаямъ.

„Русскіе люди“, пишетъ онъ, страдали отъ разбойничества, для усиленія котораго было много благопріятныхъ условій; мы встрѣчаемъ извѣстія, что строитель пустыни участвовалъ въ разбойничествѣ: въ описываемое время встрѣчаемъ новое поразительное извѣстіе. Въ 1688 г. князь Яковъ Лобановъ Ростовскій да Иванъ Микулинъ ѣздили на разбой по Троицкой дорогѣ разбивать государевыхъ мужиковъ съ царской казной; мужиковъ они разбили и казну взяли себѣ, двухъ человѣкъ убили до смерти. Про то ихъ воровство разыскано и по розыску князь Яковъ Лобановъ взятъ со двора, привезенъ къ Красному Крыльцу въ простыхъ санишкахъ, и учинено ему наказаніе: бить кнутомъ въ жилецкомъ подклѣтѣ, по упросу верховной боярыни и мамы княгини Анны Никифоровны Лобановой, де у него отнято безповоротно 400 дворовъ крестьянскихъ, а человѣка его калмыка да казначея за то повѣсили; Микулинъ бить кнутомъ на площади нещадно, сосланъ въ Сибирь, и отняты у него помѣстья и вотчины безповоротно. Встрѣчаемъ цѣлый рядъ извѣстій о преступленіяхъ, совершенныхъ людьми изъ честныхъ родовъ; въ 1684 г. учинено наказаніе Петру Васильевичу Кикину: бить кнутомъ передъ Стрѣлецкимъ Приказомъ, за то, что дѣвку растлилъ, да и прежде онъ Петръ пытанъ на Вяткѣ за то, что подписывался было подъ руку Думнаго дьяка. Въ 1685 г. бить кнутомъ Хвоцинскій за то, что на порожномъ столбцѣ составилъ было запись. Князь Петръ Крапоткинъ бить кнутомъ за то, что выскребъ и подписалъ своей рукой. Биты батогами Кутузовъ и Нарышкинъ за то, что они ругались по Касимовскомъ Царевичѣ. Въ связи съ этими явленіями любопытно взглянуть на движеніе законодательства въ описываемое время. Въ началѣ правленія Софьи было постановлено: за одинъ разбой и воровство безъ убійства и поджогу бить кнутомъ, отрѣзать лѣвое ухо, два пальца у лѣвой руки и сослать въ Сибирь на вѣчное житье съ женами и дѣтьми, которыя не въ раздѣлѣ, за два воровства чинить указъ по „Уложенію“, за три казнить смертью. Но въ слѣдующемъ году постановлено рѣзать у преступниковъ уши, вмѣсто отсѣченія пальцевъ, и тогда же за произношеніе возмутительныхъ словъ запрещено было казнить смертью, а велѣно бить кнутомъ и ссылатъ въ разные города. Въ началѣ 1689 г. постановлено было не окапывать въ землю женъ за убійство мужей, но отсѣкать имъ головы“. Если безчинства происходили въ высшемъ классѣ общества и самомъ Дворцѣ, то что же ду-

мать о нравахъ среди низшаго забитаго жизнью духовенства. Естественно, что и наказанія, хотя бы и архипастырскія, архипастырскимъ распоряженіемъ наложенныя, должны были идти въ уровень съ нравами вѣка: заключеніе въ тюрьму, какъ церковно-исправительное наказаніе не покажется суровымъ при господствѣ членовредительныхъ наказаній въ судѣ свѣтскомъ, особенно, если принять во вниманіе господствовавшее во всѣхъ слояхъ общества, и въ томъ числѣ и въ духовенствѣ, пьянство. Мнѣніе Лигарида о невнимательности Никона къ нуждамъ духовенства, часто повторяемое послѣ него, можно и не повторять, тѣмъ болѣе, что и челобитная Царю на Патріарха Никона, въ которой говорится объ его невнимательности къ нуждамъ духовенства, и на которую ссылается Соловьевъ, была анонимна, какъ доказано Гюббенетомъ (т. II гл. XVI), и была найдена въ паперти Благовѣщенскаго Собора въ 1669 г., т. е. спустя почти два года послѣ того, какъ Никонъ уже былъ сосланъ въ Отрапонтонъ монастырь, и относилась даже не къ Никону, а къ порядкамъ, установленнымъ при его предшественникѣ дьякомъ Кокошиловымъ.

Заботливость Никона въ отношеніи людей низшаго социальнаго положенія.

Въ V томѣ Исторической Библіотеки собрано масса писемъ Никона къ архимандритамъ Иверскаго монастыря, относящихся и ко времени патріаршества Никона, и ко времени пребыванія его въ Воскресенскомъ монастырѣ, послѣ 10 іюля 1658 г. до конца 1666 г., въ которыхъ, напротивъ, сквозитъ его заботливость объ интересахъ малыхъ міра сего. Никонъ то заботится, чтобы не взыскивали недоимокъ съ крестьянъ въ случаѣ пожара, то о томъ, чтобы имъ не задерживали жалованья, то о томъ, чтобы принималось въ расчетъ семейное положеніе крестьянина. Онъ былъ строгъ къ духовенству, но здѣсь его дисциплина имѣла свое оправданіе въ цѣли создать духовенство, могущее быть примѣромъ, нравственнымъ образцомъ въ обществѣ.

Враждебныя Никону теченія общественной мысли и его враги. Староцерковная партія, враждебная Никону въ церковно-обрядовыхъ реформахъ.

Однако, это создало Никону много враговъ, и мы, упоминая объ этомъ, можемъ видѣть, что для духовенства онъ былъ тяжелъ. Но не отсюда вышли главные его враги. Эти враги были на верху общественной лѣстницы и составились изъ двухъ главныхъ теченій русской общественной мысли. Одинъ враждебный лагерь былъ въ Церкви — въ консервативной старообрядческой партіи преимущественно изъ

протопоповъ, другой въ государствѣ — среди либеральнаго боярства, какъ отзвукъ новыхъ стремленій, направленныхъ къ секуляризаціи государственной жизни. Были еще враги личные, обиженные дѣйствіями Никона вольно или невольно: напимѣрь, Митрополитъ Иларіонъ Рязанскій и Архіепископъ Вятскій Александръ, Митрополитъ Питиримъ и др.

Епископъ Александръ Вятскій имѣлъ личное озлобленіе на Никона за переводъ его въ Вятку на Соборѣ 1657 г., и вскорѣ послѣ ухода Никона сталъ протестовать и противъ этого перевода, и противъ его книжныхъ исправленій. Проф. Николаевскій въ своей статьѣ „Патріаршая область и русскія епархіи въ XVII вѣкѣ" говоритъ, что онъ имѣлъ достаточно средствъ и на покупку новыхъ имѣній, и на устроеніе архіерейскаго дома, гдѣ давалъ пріютъ укрывавшимся отъ правительства расколоучителямъ; онъ долго жаловался на мнимыя гоненія отъ Никона въ то время, когда тотъ не имѣлъ уже вліянія на его дѣла. Митрополитъ же Питиримъ былъ недоволенъ переводомъ на Бѣлгородскую митрополию, туда не поѣхалъ, продолжалъ называться Крутицкимъ и жилъ въ Москвѣ, такъ что Бѣлгородская митрополія еще 10 лѣтъ оставалась не открытой; Иларіонъ Рязанскій былъ недоволенъ тѣмъ, что не былъ избранъ въ Патріархи его отецъ, Митрополитъ Авѣоній (къ которому Никонъ пришелъ въ монастырь юношей), который отказался отъ патріаршества, оказавшись вмѣстѣ съ Никономъ въ числѣ 3 кандидатовъ на патріаршество и пожелавшій видѣть Патріархомъ Никона; Митрополитъ Питиримъ, какъ искавшій сѣсть на мѣсто Никона на патріаршество, былъ также врагомъ Никону.

Консервативная церковная партія была недовольна исправленіемъ книгъ и обрядовъ, и во время своего патріаршества Никонъ боролся съ ней, опираясь на соборныя опредѣленія, одобреніе Константинопольскаго Патріарха, и, когда не помогали увѣщанія, прибѣгалъ къ ссылкамъ. Эта церковная партія исходила изъ признанія первенства церковныхъ интересовъ надъ государственными и, хотя отдавала первое мѣсто Царю, однако, почитала его связаннымъ всецѣло церковными канонами и уставами, настолько, что, когда Царь, по ихъ мнѣнію, отступилъ отъ этихъ уставовъ, то онъ въ ихъ глазахъ подлежалъ проклятію и терялъ права на повиновеніе; равно отвергнута была раскольниками будто бы за нарушенные уставы Церкви и іерархическая власть Церкви, и они образовали свое особое общество.

Никонъ также ставиль интересы Православной Церкви выше государственныхъ, но относительно пониманія самого Православія расходился съ ними. Такъ, древнерусское воззрѣніе, почитавшее слово Божіе выше всего, было свойственно обоимъ теченіямъ и выражалось оно такъ: „А святымъ Божественнымъ книгамъ достоить Царю всѣхъ свыше совѣтовъ внимати и почаству ихъ прочитати." Не придавая обряду церковному такой неизмѣняемости, какъ догмату, Никонъ почиталь его подлежащимъ измѣненію и исправленію со стороны власти Помѣстнаго Собора, особенно, когда онъ получилъ одобрение Восточныхъ Патріарховъ. Мы видѣли, что Никонъ испросиль разрѣшеніе Собора 1654 г. на исправленіе книгъ, получилъ на это и одобрение и согласіе Константинопольскаго Собора, и провелъ самое исправленіе черезъ Помѣстный Соборъ 1655 и 1656 года. Но для старообрядцевъ высшимъ критеріемъ было не согласованіе своихъ обычаевъ съ обычаями другихъ Церквей и съ древнецерковнымъ преданіемъ, не голосъ органа высшей власти Помѣстной Церкви и Восточныхъ Патріарховъ, а согласованіе съ разъ установленными обычаями на Стоглавомъ Соборѣ и наличная русская дѣйствительность, какъ она выражалась въ русскихъ церковныхъ книгахъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ объ этихъ измѣненіяхъ, ибо въ полѣ зрѣнія нашихъ интересовъ лежитъ другая сторона Никонской дѣятельности, именно не его внутрицерковная борьба съ старообрядцами, а его борьба за Церковь, за ея самостоятельность въ Государствѣ. Скажемъ только, что по изслѣдованію Каптерева Никона напрасно считаютъ до сихъ поръ за инициатора церковныхъ реформъ. Правда, Никонъ проводиль исправленія обрядовъ и книгъ и при томъ съ особой тщательностью, запрашивая Патріарховъ, собирая книги со всѣхъ русскихъ монастырей, посылая на Аѳонъ за старыми книгами. Арсеній Сухановъ оттуда вывезъ ихъ болѣе 700, но потомъ, проведши реформу, Никонъ въ своихъ письмахъ и сочиненіяхъ объ ней ни разу не упоминаль, видно не отдаваль онъ ей души. Онъ выполнилъ заданіе Вонифатьева и Царя, которое раздѣляль, не будучи ихъ главнымъ инициаторомъ. Въ церковно-обрядовыхъ реформахъ онъ имѣль враждебную себѣ партію консервативную, а въ защитѣ правъ Церкви въ Государствѣ имѣль противъ себя либеральную боярскую партію.